

— Товарищ Сяо Цзинь, вы ученица господина Суня, поэтому я должен вас предупредить: убийство требует возмездия, и так было всегда. Мне всё равно, какие у вас отношения с Су Муянь, но я не потерплю ничего, что угрожает интересам народа. Думаю, если бы господин Сунь был здесь, он бы поддержал мои действия. — Видя, что я задумалась, Чэнь Маошэн продолжил.

— Всё не так, как вы думаете! — Когда речь зашла об убийстве, Чэнь Маошэн словно преобразился. Исчезла застенчивость, пропали нервные жесты, он стал твёрдым и принципиальным.

У меня не было особой симпатии к Чэнь Маошэну, не только из-за его пренебрежения к даосским искусствам, но и из-за его предвзятого мышления. Как сейчас, он уверен, что Су Муянь — убийца.

Но я должна признать, что его твёрдость и принципиальность действительно произвели на меня впечатление.

Он, должно быть, хороший полицейский!

— Да, Су Муянь спасла мне жизнь, но я не хочу её защищать! Кто угодно может быть убийцей, но только не Су Муянь, потому что она уже мертва!

— Что? Мертва? Вы хотите сказать, что всё это проделки призраков? Вы знаете, я не верю в духов, и вам не нужно пытаться меня в этом убедить!

Чэнь Маошэн привычно поправил очки на переносице, улыбнулся, обнажив ровные белые зубы:

— Товарищ Сяо Цзинь, если вы не можете найти причину смерти старосты Вэй и вдовы Ли, не расстраивайтесь. В конце концов, это не в вашей власти, поэтому не нужно постоянно упоминать о духах.

Кто такая Су Муянь, вы не хотите говорить, это ваше право! Господин Сунь скоро приедет, я сам спрошу его!

— Доктор Чэнь, пока нельзя утверждать, что это Су Муянь, всё это лишь предположения. К тому же мой наставник только сказал, что это связано с Су Муянь, но не утверждал, что она убийца. Спорить бесполезно, вы правы, лучше дождаться приезда наставника.

Дело, связанное с Су Муянь, внезапно вызвало во мне раздражение.

Я не хотела говорить, в такие моменты мне просто хотелось поскорее вернуться домой.

Чэнь Маошэн больше не настаивал и ушёл.

Почти у дома меня ждал Толстяк Эр, в его взгляде было что-то непонятное.

— Тебе что-то нужно? — спросила я.

Толстяк Эр кивнул:

— Да, тётя Лянь Цяо сказала, что ты провожаешь доктора Чэня, вот я и жду.

— В чём дело?

Он оглянулся на двор, где мама хлопотала в главной комнате, и отвёл меня в сторону:

— Мне правда нужна твоя помощь! Ты ведь училась у наставника, он даос. Ты умеешь изгонять призраков?

— Изгонять призраков? Хе-хе, тебя что, дух соблазнил?

Толстяк Эр замахал руками:

— Серьёзно, не я, а моя мачеха!

Он достал сигарету, посмотрел на меня и сунул её обратно в карман.

— Сяо Цзинь, ты действительно должна мне помочь. Ты не представляешь, как мой отец переживает из-за этого уже несколько дней. Когда я вернулся, он не хотел мне рассказывать, но в доме это трудно скрыть. Если бы я сегодня утром не увидел сам, он бы продолжал молчать.

Ты права, отцу нелегко. Ему нужно кормить всю семью, я ушёл и долго не возвращался, а он даже не упрекнул меня, даже тайком откладывал деньги на мою свадьбу. Ты знаешь, как у нас в семье, он мой родной отец, я не могу просто смотреть, как он страдает. Сяо Цзинь, ты должна мне помочь! Я знаю, твой наставник — человек способный, у тебя наверняка есть решение.

Толстяк Эр говорил серьёзно, и я поняла, что дело серьёзное.

— Толстяк Эр, не волнуйся, расскажи подробнее. Что случилось с твоей мачехой?

Он кивнул и поспешно рассказал всю историю.

Мачеха Толстяка Эра была из соседней деревни, звали её Цзян Иньхун, она тоже была вдовой.

У неё была пожилая мать и двое детей. Она сошлась с отцом Толстяка Эра, потому что он был честным и трудолюбивым, их познакомили в деревне.

Это сделало и без того небогатую семью Толстяка Эра ещё беднее. К тому же за последние годы был голод, и отцу Толстяка Эра было нелегко справляться.

Жизнь потихоньку налаживалась, Толстяк Эр вырос, отец работал в производственной бригаде с детьми Цзян Иньхун, и они могли прокормиться.

При таких обстоятельствах отец Толстяка Эра даже смог отложить деньги на его свадьбу, что говорит о его бережливости.

Но если бы всё шло своим чередом... У Цзян Иньхун появилась странная болезнь.

Она начала проявляться за неделю до смерти старосты Вэй, но тогда это было не так заметно, только ночью Цзян Иньхун иногда смеялась во сне.

Отец Толстяка Эра не придавал этому значения, но позже она начала смеяться и днём, застывая взглядом в одной точке. Если её звали, она приходила в себя.

Отец Толстяка Эра тоже удивился, повёл её к врачу, но ничего не нашли.

А вчера ночью Цзян Иньхун начала разговаривать с воздухом. Отец Толстяка Эра позвал её, а она посмотрела на него с злобным выражением, совсем не похожим на её обычное спокойное лицо.

Отец Толстяка Эра так испугался, что споткнулся и ударился головой. Утром он не пошёл в бригаду, и только благодаря этому Толстяк Эр узнал, что происходит.

Мы с Толстяком Эром собирались уходить, когда мать вышла во двор и, увидев нас, недовольно крикнула:

— Сяо Цзинь, куда это ты собралась?

— Мама, я пойду проведать дядю Чанлиня. Толстяк Эр говорит, что он упал, я привезла из города лекарства от ушибов, как раз попробую их.

— Ой, как это дядя Чанлинь упал? Тогда иди скорее, отнеси лекарство, если что, позови доктора Чэня, поняла?

— Да, мама!

— Хорошо, иди! И возвращайся пораньше!

— Хорошо, до темноты вернусь.

Сказав это, мы с Толстяком Эром поспешили к его дому.

Дом Толстяка Эра был недалеко от нашего, нужно было обойти пару поворотов по тропинке через поля.

Стоя у двери, я вдруг почувствовала дрожь. Войдя в дом, я ощутила странное, давно забытое чувство, от которого стало не по себе.

Холод пробрал до костей, в доме было темно, даже масляной лампы не зажгли.

Сейчас был полдень, и снаружи всё было ярко освещено. Но дом Толстяка Эра был низким, стоял на склоне холма, вокруг деревья, окна и двери маленькие. Внутри было темно даже днём.

Войдя, я чуть не споткнулась.

— Сяо Цзинь, всё в порядке? — Толстяк Эр схватил меня за руку.

— Ничего, просто споткнулась. Почему у вас в доме даже свечи не зажигают? Темно, как в пещере.

— Я бы зажёл, но отец не позволяет. Каждый раз, когда я зажигаю лампу, мачеха сердится и ссорится с отцом. Сначала я думал, что она просто бережлива. — Толстяк Эр достал спички, снял стеклянный колпак с масляной лампы и зажёл фитиль.

— Позже я понял, что дело не в бережливости, она просто не хочет, чтобы зажигали свет. Даже ночью лампу не зажигают, отцу приходится ходить в темноте.

Когда лампа загорелась, в доме стало немного светлее. Только теперь я увидела, что отец Толстяка Эра лежал на кровати, голова была перевязана. Но по его виду было видно, что он еле дышит.

Неудивительно, что он не сказал ни слова, когда я вошла. Похоже, ему осталось недолго.

Отца Толстяка Эра звали Чжан Чанлинь, это имя ему дал дед, надеясь, что он будет таким же долговечным, как деревья в лесу за деревней. Дед был одним из немногих образованных людей в деревне, он два года учился в частной школе. Имя действительно получилось удачным.

И отец Толстяка Эра, как и его имя, был крепким, словно дерево, почти никогда не болел и был отличным работником!

<http://bllate.org/book/15434/1372346>